Убийственная красота. Запретный плод

Автор:
Алиса Клевер

Убийственная красота. Запретный плод

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #4

Даша, остановившаяся в Париже вместе со своей матерью актрисой Ольгой Синицей, разрывается между невероятно притягательным Андре, пластическим хирургом Ольги, и самой матерью, которой требуется поддержка. Согласившись на предложение мужчины своей мечты, Даша испытывает захватывающее приключение в гонках по ночному Парижу, а волнующее продолжение в объятиях ревнивого и страстного Андре дарит ей не менее острые ощущения и неизведанное доныне наслаждение. Но над всем этим тенью нависает легкое облако необычного случая: бывший бойфренд Даши Сережа, появившись в клинике, где работает Андре Робен, до потери сознания пугает мать Даши своим странным видом…

Алиса Клевер

Запретный плод

Мы так привыкли притворяться друг перед другом, что начали притворяться перед самими собой.

Ларошфуко

При всем желании тигр не сможет избавиться от полос на шкуре.

Мы сами творцы своего безумия.

Грэм Грин

Это лето вдруг стало острым, как нож для разделки суши, оно причиняло боль и радостно улыбалось, глядя на мои слезы, но не отпускало от себя дальше, чем на расстояние в одно такси. И вот я сижу на заднем сиденье грохочущей, заполненной каким-то арабским шансоном машины, мое тело до сих пор помнит безумие прошедшей ночи, а на истерзанных губах еще ощущается прощальный поцелуй. Андре был таким усталым, когда прощался со мной, что даже не предложил проводить. Просто вызвал такси, как какой-то дешевой девочке по вызову, и это тоже болезненно резануло по моему эго. Вот чего я стою в его глазах. Ужасно то, что мне все равно. Единственное, что имеет значение – мы были вместе. Я улыбаюсь, как чокнутая, вспоминая его лицо, а тело тут же отзывается одобрением, и я почти заново переживаю оргазм – только от одной мысли об Андре.

Но чем дальше я уезжала от арабского квартала, тем тоньше становилась эта связь с Андре, рискуя разорваться совсем. Я даже испытала что-то вроде паники, осознав со всей ясностью, что вот оно – это утро, и серая предрассветная дымка, в которой я снова одна, и понятия не имею, что мне делать и как жить дальше. Даша, Даша, как ты попалась на этот крючок? Водитель посматривает на тебя с неодобрением, у него нет никаких вопросов, он прекрасно понимает, что делает девушка в его машине в такой ранний час. Приличные девушки остаются в постелях своих любовников до самого завтрака.

– Пожалуйста, выключите музыку, – прошу я, и таксист недовольно нажимает на кнопку приемника.

Франция – родина невмешательства, так говорит моя мама. Трудно даже представить себе, свидетелями чего тут становятся таксисты. Сколько таких девушек они развозят по адресам ранним утром или поздним вечером? А ты? Что заставило тебя покинуть безликий номер дешевой гостиницы, миссис Немуа? Ведь ты сама сказала, что тебе пора, и попросила вызвать такси. Почему? Думаешь, если ты смогла уехать от него, это что-то меняет? Он ведь не предложил тебе остаться, и кажется, был даже рад, что все так обернулось. Он сказал, что позвонит, а ты подумала, что будет лучше, если он больше никогда не появится в твоей жизни. Что же тогда заставляет тебя сейчас

неосознанно шевелить губами, словно мучает жажда? Во рту несвежий привкус, зубы не чищены, и общее ощущение, будто свалилось тяжелое похмелье после пьяной ночи, проведенной за гранью возможного и приемлемого.

Как, оказывается, легко потерять себя, просто раздвинув ноги и отдавшись мужчине, одно присутствие которого пьянит, как сильнодействующий наркотик. Я бросала себя к его ногам, и теперь, глядя на сонные, пустые улицы Парижа, уже скучаю по Андре, как выброшенная на улицу собака. И, конечно же, не задумываясь, повторила бы все заново. Он стал мне совершенно необходим, и какая, в конце концов, разница, что думает обо мне водитель такси? Я ненавидела себя за эту физическую потребность в Андре. Когда-то я мечтала о любви, но теперь-то знаю, что настоящая любовь не оставляет в душе камня на камне. Я больна Андре, и лекарства от этого не существует. Я готова немедленно развернуть машину, умоляя водителя отвезти меня обратно, и останавливает только то, что я даже не знаю адреса, откуда уехала полчаса назад. В моей памяти остались отдельные куски пазла, которых недостаточно, чтобы собрать картинку целиком. Помню лишь огни домов напротив, распахнутые занавески и луну, тускнеющую на фоне просыпающегося утра. И еще магазин сладостей на углу. Когда я нахожусь в руках Андре, время останавливается. Банально, но факт. Машина времени. Я хочу его всей кожей.

– Ваш отель, мадемуазель, – голос таксиста вывел меня из ненормального, почти наркотического забытья. Все тело ломило после бурной ночи, язык не слушался, и привычный баланс был совершенно утрачен.

– Который час? – спросила я по-французски. Голос хрипел и ломался. Я вспомнила, как хохотала вместе с Андре, бесстыдная и голая, как просила его не останавливаться. Никогда.

– Уже почти шесть, – ответил таксист, окинув меня осуждающим взглядом. Я кивнула, пытаясь прикинуть, что меня ждет в отеле. Мама, наверное, спит, а Сережа бодрствует, ходит по номеру, жаждет возмездия. Я немного помедлила и добавила:

– А какой сегодня день недели?

Водитель нехорошо усмехнулся, посмотрев на меня, как на душевнобольную.

– Понедельник, – ответил он. – Восемнадцатое июля, и мы в Париже, мадемуазель. Что-нибудь еще?

– Нет, это все, – заявила я тоном надутой гусыни, пытаясь – безуспешно – поставить водителя на место. Он только осклабился еще сильнее и уехал, развернувшись так резко, что взвизгнули шины. Он переиграл меня, этот сын города любви, приехавший сюда из обезумевшего Египта или пиратствующего Сомали. Мне оставалось только вернуться в номер матери, пристыженной и не имеющей никакого хоть сколько-нибудь пристойного объяснения того, где меня носило весь вечер и всю ночь. Но мама спала, и, к счастью, объяснять ничего не пришлось.

Окно в номере было приоткрыто, и, когда я толкнула входную дверь, сквозняк немедленно подхватил тонкий тюль занавесок. В комнате было прохладно и немного сыро. Я аккуратно притворила дверь и закрыла окно, стараясь не шуметь. Затем села на диван, где еще вчера спал Сережа, оставленный мною бойфренд. Я сидела, не шевелясь, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку, на темный экран спящего телевизора. Сережи не было в номере, но это не удивило меня. Значит, он все-таки уехал. Нормальная реакция нормального парня, относящегося к себе с уважением. Сережа – тот, рядом с кем можно было спокойно жить, не ведая боли и страстей. Андре же – казино, где против твоей воли постоянно повышают ставки и рано или поздно отберут все. Не знаю, сколько я просидела так, бессмысленно таращась в пустой экран. Должно быть, долго, потому что у меня затекла нога. Из соседней комнаты послышался монотонный писк маминого будильника. Я вздрогнула и обернулась в сторону приоткрытой двери.

– Даша, ты там? Принеси мне, пожалуйста, воды, – донесся до меня ее голос.

Я налила воды из бутылки в идеально прозрачный стеклянный стакан и принесла ей. Мама сидела на кровати, растрепанная, заспанная, в шелковой ночной сорочке, явно более подходящей для юных девиц. Краешком глаза я заметила приоткрытый ящик тумбочки и использованный шприц, лежащий на белом блюдце.

– И, по-твоему, это нормально – бросить меня вот так, на обеде? – недовольно спросила мама, выпив почти полный стакан воды. Затем, проследив за моим

взглядом, она резко захлопнула ящик, давая мне понять, что не надо совать нос, куда не следует. Витамины, как и было сказано. Но только на этот раз я почему-то не поверила.

– Что ты колешь себе, мама? Я не думала, что ты умеешь делать уколы.

– Даша! – Она посмотрела на меня с возмущением, больше похожим на растерянность. – Не говори со мной таким тоном. Где ты была вообще? Куда вы ушли?

– Прости, – пробормотала я, покраснев от воспоминаний о прошедшей ночи. – Все получилось как-то само собой. И потом, ты ведь была занята с этим своим продюсером. Какой-нибудь толк от него хоть будет?

– Ох, кто их разберет, этих французов? Не знаю, – покачала головой мама. – Слушай, ты скажи, пожалуйста, своему Сереже, чтобы он не бросал свои вещи в коридоре. Я вчера споткнулась о какую-то сумку и чуть не упала.

– Сереже? – переспросила я, вздрогнув, но мама, кажется, не заметила моего смятения. Она встала, сунула ноги в тапочки, потянулась, разминая затекшие за ночь мышцы, и взяла с кресла кружевной халатик. Затем принялась рыться в своей сумке, достав оттуда косметичку, какие-то баночки, тюбик с мазью и упаковку таблеток. Выдавив на ладонь пару белых колесиков, она закинула их в рот и запила остатками воды.

– Что ты стоишь? – спросила мама недовольно. – Вызови мне такси.

– Такси? – повторила я за ней как попугай, испугавшись, что на вызов явится тот же самый таксист, который только что привез меня сюда.

Мама вышла из спальни в общую зону нашего номера, а я осталась около кровати, продолжая думать о своем.

– Попроси их прислать машину как можно быстрее, – крикнула она из гостиной. А затем спросила как ни в чем не бывало: – Даша, а где Сережа?

– Сережа?

– Хватит повторять все, что я говорю! – Мама влетела в спальню, глаза ее горели от возмущения. – Что с тобой? Это все из-за твоего Сережи. Зачем он приехал? Чтобы отвлекать тебя? Ты что, не понимаешь, что это просто неприлично. Кроме того, вы уехали на всю ночь, даже не предупредив меня. Я волновалась.

– Извини, – пробормотала я, пытаясь наскоро собрать мысли в приемлемую конфигурацию. Мама и не думала волноваться, это она просто так сказала. Она спала, как дитя, и, получается, даже не знала, что я ушла из особняка с Андре, а вовсе не с Сережей. Я приложила ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть от удивления. Моя связь с Андре была столь очевидна для меня, что мне, наивной, казалось, будто об этом знают все. На самом же деле не знал никто. Мама-то уж точно.

– Извини! – передразнила меня она, раздраженно передернув плечами. – Ты вызвала наконец такси?

– Жду ответа, – пробормотала я, вслушиваясь в гудки на ресепшен.

Значит, мама считает, что мы ушли с обеда вместе с Сережей. Она что, не видела его после нашей ссоры? Что делал Сережа после того, как ударил меня по лицу? Значит, он просто вышел, покинув особняк Де Моро. Хорошо, что не устроил скандала. Нормальный парень.

– Мама, скажи, а ты сама во сколько уехала с обеда?

– И ты еще спрашиваешь меня об этом? После того, как вы меня там бросили? Хоть бы подошли, предупредили, в конце концов. Хорошо, что я могу сама о себе позаботиться. Нет, это совершенно неприемлемо. Думаешь, вы можете устраивать тут медовый месяц?

– Мы с Сережей поругались, – призналась я, но тут на ресепшен ответили. Усталый голос ночного портье спросил по-французски, что я желаю. Завтрак в номер? Нет? Такси? Сию минуту. Я повесила трубку и, обернувшись, вскрикнула от неожиданности, увидев перед собой маму с нанесенной на лицо белоснежной маской, которая стояла с неподвижным лицом, дабы не испортить нанесенный слой. Одними губами она сказала:

– Поругались? Ну что ж, не могу сказать, что мне очень жаль.

– Не надо, мам, – попросила я.

– Он никогда не подходил тебе. Ты только впустую тратила на него свое время. Значит, вы наконец расстались? Или, как всегда, поругались, чтобы потом снова помириться?

– Не думаю, – покачала я головой, и мама приложила ощутимые усилия, чтобы подавить довольную улыбку. – Он уехал. Кажется, на сей раз мы действительно расстались.

– Хвала небесам, – кивнула мама, тут же утратив интерес к этой теме. Ей нужно было спешить – сначала одеться, не смывая маску и не запачкав при этом воротник, потом смыть маску, не намочив одежду, после чего наложить крем и сделать прическу.

Такси пришло через двадцать минут, а она все еще была не готова, и только, уже стоя в дверях, обернулась, окинув меня внимательным взглядом:

– Но если вы поругались, где же ты была всю ночь? Неужели, чтобы порвать с мужчиной, потребовалось столько времени?

– Мам! – воскликнула я, не зная, что ответить. Шестое чувство подсказывало мне, что не стоит рассказывать об Андре. Никому. Чтобы потом не выслушивать советы, не видеть глаз, полных жалости и презрения – в тот момент, когда Андре меня бросит. В том, что он бросит меня рано или поздно, я нисколько не сомневалась.

– Даша, я не понимаю, где ты провела всю ночь?

– Нигде, – буркнула я, но мама истолковала мои слова по-своему.

– Ты что, переживаешь из-за этого своего Сережи? Нет, в самом деле? Он не стоит этого. К тому же просто неприлично бродить всю ночь по Парижу, ты что, не понимаешь? Могла бы переживать и в номере.

– Ни о чем я не переживала, – соврала я, отведя взгляд.

– Ты что, выпила? – вдруг спросила она, посмотрев на меня с подозрением. Я промолчала, предпочитая, чтобы мама так и подумала. Романтическая картинка. Мы поругались с Сережей, он улетел (и не обещал вернуться), а я, с разбитым сердцем или по крайней мере с сердцем, полным тихой грусти и стыда за чувство облегчения, что разорвала отношения, которыми давно тяготилась, отправилась в загул. Ночной Париж с его соблазнами, музыкой, танцами и алкоголем.

– Допустим, и что же? – спросила я с вызовом.

– Ну-ка дыхни, – потребовала мама, приняв свое случайное предположение за истину. Я ей не мешала. Просто сказала, что делать этого не собираюсь, ибо давно уже стала взрослой.

– Вот, значит, чем ты занимаешься в Париже, – обожгла меня укором мама. Но ожог не достиг цели. Значит, мама не знает об Андре. Никто не знает об Андре. Может быть, он мне приснился, став плодом извращенного воображения?

– Тебе пора ехать, – сказала я будничным тоном. – Такси ждет.

– Не терпится от меня отделаться? – фыркнула мама.

– Если хочешь, я поеду с тобой.

– В таком виде? – возмущенно всплеснула она руками. – Нет уж, Даша. Иди прими душ и ложись, проспись.

– Я не настолько много выпила, мама, – попыталась защититься я, но сцена в ее голове уже явно сложилась, и менять сценарий она не собиралась.

Она выплыла из номера, а я рухнула на диван, совершенно обессиленная. Достав из сумки телефон, взглянула на экран. Андре не звонил. Вероятно, он думает, что я уже сплю. Или и вовсе думать забыл обо мне. Это предположение вызвало немедленный спазм, стало трудно дышать. Останемся мы вместе или нет, мне все равно будет больно. Какая нелепость. Я задумалась на секунду, а затем набрала номер Сережи.

Прождала долго, слушая гудки, но мне так никто и не ответил.

* * *

Не знаю, сколько я проспала и можно ли было вообще назвать это жаркое, расхристанное беспамятство сном. Я забыла задернуть занавеси и закрыть окно, так что вскоре после того, как отключилась, комната наполнилась ярким солнечным светом и звуками суетливой улицы. Я слышала их, прячась от солнца под одеялом, но встать и закрыть окно не было никаких сил. Просто рухнула на кровать, даже не удосужившись раздеться или принять душ. Это было так не похоже на меня, с моей извечной заботой о здоровом образе жизни. Я бросила свое тело на кровать, как какой-то хлам, прикрывшись лишь простыней, и заснула с мыслью об Андре. Мир становился бесконечным, а воздух опьянял, если Андре был рядом. Я представляла себе его лицо, его губы, его взгляд – темно-медовый, с вызовом, без тени улыбки. Андре занимался любовью так, словно это было важнее жизни и смерти.

– Моя птица в клетке, – говорил он в моем сне. – Отчего ты не поешь? Отчего глаза твои полны слез? Разве не этого ты желала, моя чайка, летящая над водной лазурью? Не за этим ли ты пришла, когда стояла и смотрела на окна моего дома, моя девочка? Твое нежное тело принадлежит теперь мне, я заколдовал его, приговорил, связал, опутал, стреножил, и ты теперь не сможешь отнять его у меня. Отчего же ты не радуешься, ведь каждая птица мечтает, чтобы ее поймали?

– Я думала, что люблю волю, – отвечала я, и смутно знакомый, но неузнаваемый во сне образ растворялся, как дым. Теперь слышался только смех, он раздавался эхом, когда я обнаружила себя на ступенях музея современной живописи. Я видела окно и мужчину в белоснежной расстегнутой рубашке. Красивого, с ровным золотистым загаром, который возникает, если проводишь много времени на воздухе, под открытым солнцем. Я видела тугую, покрытую порослью темных волос грудь сквозь раскрытые полы рубашки, видела, как отлично сидят на нем темные брюки. Андре стоял и смотрел в мою сторону, но не на меня, а куда-то мимо, сквозь, задумчиво застегивая пуговицу на манжете. Я не знала, как снова попала сюда и как выбраться из лабиринта этого старинного здания, кричала и била кулаком по стеклу, но мужчина в доме напротив не слышал этого.

Я проснулась, чувствуя себя еще более измученной и больной. Эмоциональное перенапряжение. Нельзя думать о мужчине, об одном и том же мужчине, двадцать четыре часа в сутки во сне и наяву. Сев на кровати, я огляделась. Оказалось, меня разбудил звук телефона. Он не звонил, а вибрировал.
Я отключила звук, когда вернулась в номер под утро. Потянувшись к прикроватному столику, я подтащила аппарат к себе, уверенная в том, что это Сережа. Нам все-таки следовало бы поговорить, даже если говорить совершенно не о чем. Мы прожили вместе почти два года – разве это можно просто забыть, сообщив об измене, как о чем-то не столь значимом? А именно так я и сделала, разве нет?

Но звонил не Сережа.

– Андре? – Увидев на экране его номер, я подпрыгнула на кровати, как от удара тока. Его голос был возмутительно спокоен.

– Выспалась, птичка моя? – спросил он, и я услышала, как стучат его пальцы по клавишам компьютера.

– Ты что, на работе? – Я прилагала титанические усилия к тому, чтобы голос звучал нейтрально. У меня почти получилось. Почти. Губы невольно растянулись в счастливую улыбку. Я расцветала, оживала в присутствии Андре, и ничего не могла с этим поделать.

– Кому-то же надо зарабатывать на хлеб насущный, – усмехнулся он. – Как ты себя чувствуешь, мармеладка?

– Сколько еще прозвищ ты придумаешь, лишь бы не называть меня по имени? – рассмеялась я. – Интересно, если скажу тебе, что прекрасно выспалась, отлично себя чувствую и как раз читала интересную статью в интернете, ты за меня порадуешься или огорчишься?

– Действительно, интересный вопрос, – отозвался Андре. Низкий голос, темный бархат. Я закрыла глаза, смакуя его, как первый глоток утреннего кофе. Андре не любит кофе, но я люблю Андре.

– Мне кажется, ты хотел бы, чтобы без тебя я умирала в тоске, а с твоим приходом оживала и тут же раздевалась, – сказала я преувеличенно обиженным тоном. Андре расхохотался, а я попыталась вообразить, как он сидит там, в тишине своего бесчувственного, стерильного кабинета и представляет меня голой.

– Нет, я вовсе не такой уж монстр, но я бы не возражал, если бы ты была одержима мною, как бывают одержимы нимфоманки. Чтобы ты хотела меня на завтрак, обед и ужин. Мы могли бы придумать что-нибудь интересное, – в его голосе послышались мечтательные нотки.

– К сожалению, нимфоманки, как правило, одержимы не мужчинами, а самим сексом. Если бы я была нимфоманкой, то прямо сейчас совокуплялась бы с каким-нибудь мужчиной. Может быть, даже не прерывая разговора с тобой, – промурлыкала я обманчиво нежно, и эффект был достигнут. Голос Андре заледенел так, что я даже поежилась.

– Ты не одна? – спросил он коротко, как будто отдавая команду.

– Я не одна, – подтвердила я, прекрасно понимая, что играю с огнем.

– Он вернулся, да? – спросил Андре после долгой паузы. – Я не сказал тебе, но я тут понял, что не хочу и не смогу тебя ни с кем делить.

– Ты это понял до или после того, как Сережа ударил меня по лицу – и из-за тебя, между прочим? – вспылила я. – Именно из-за того, что ты не желал меня ни с кем делить.

– Он там? – спросил Андре сухо и холодно. Так сухо и так холодно, что я немедленно сдалась, испугавшись настроить его против себя по-настоящему, хотя я и предпочла бы вести эту игру дальше.

– Я не знаю, где он. Тут, в номере, его нет. И с твоего бала он убежал, как самая настоящая Золушка. Ты его башмак, случайно, не обнаружил? – Я говорила раздраженно, против воли выдавая свое нервное состояние.

– Золушка-пьянчужка. Послушай, а что ты делаешь вечером? – Андре ясно дал понять, что не желает больше говорить про моего бойфренда. Бывшего бойфренда, если уж на то пошло. Андре, словно злой требовательный бог, нуждался в жертвоприношениях, и я, послушная его воле, уже принесла ему в жертву Сережу и собственное тело, но он явно желал большего.

– Не знаю, – ответила я зло. – Надо посмотреть в моем деловом расписании. Возможно, я занята.

– Так или иначе, но ты, кажется, забыла, что любое сказанное тобой слово может и будет использовано против тебя. Ты забываешь, с кем ты связалась, моя подруга. Так ты не хочешь увидеть меня вечером? – слова попадали в цель, как пули. Если я не увижу его в ближайшее время, то лягу на кровать и превращусь в увядшую лилию, но он не должен знать о том, насколько сильно я хочу его видеть.

– Возможно, я и не против увидеться. Раз ты обещаешь мне что-то интересное.

– За это не волнуйся, моя дорогая птица. Ты любишь летать, любишь острые ощущения, верно? – О, я пожалела о том, что сказала. Пожалела сто раз, но сказанного не воротишь. Что-то интересное?

– До знакомства с тобой я думала, что я люблю читать, завернувшись в плед, – хихикнула я. – Я ошибалась, о как я ошибалась!

– Я сейчас вышлю тебе адрес, будь там в девять вечера, ладно? А сейчас мне нужно идти работать.

– Бедненький папа Карло! – фыркнула я.

– Тебя встретит мой друг, его зовут Гильермо, – продолжил Андре. – Ты не будешь против, если к нашему полету присоединится Гильермо?

– Гильермо?! Какой еще Гильермо, зачем? – Я моментально испугалась, даже не сформулировав, чего именно. Того, что в сумасшедшую голову Андре запросто может прийти идея заняться любовью втроем, вот чего. Кто же я есть, если, допуская, что Андре способен на такой экстрим, продолжаю говорить

с ним. – Да лучше повеситься. Нет уж, не надо мне никакого Гильермо.

– Вешаться не стоит. Тебе Гильермо обязательно понравится, я обещаю, – заявил Андре самым возмутительным тоном на свете. Двусмысленность слов только усиливалась фривольностью тона, и я не заметила, как прикусила губу от возмущения. Андре говорил так, словно предлагал не только нечто обыденное, но даже приятное – сродни приглашению на бал-маскарад.

– Ты издеваешься? – крикнула я, но Андре лишь рассмеялся в ответ.

– Гильермо – душка. Он отлично разбирается в одежде и девушках. А еще – в машинах. Он приятный собеседник. И красив к тому же. У него очень сильные руки.

– Послушай, Андре! – Я сделала глубокий вдох, чтобы дать самый резкий ответ на свете, но Андре уже отключился. Когда я, красная от ярости, перезвонила ему, абонент был недоступен. Словно издеваясь надо мной, телефон мигнул, и на экране отразилось сообщение – адрес, где мне следует ждать Гильермо. Очевидно, чтобы увидеть Андре, я должна явиться туда. Я застыла посреди гостиничного номера, не зная, что предпринять. Ведь нет ни единого шанса, что я пойду на встречу с каким-то Гильермо. Это что, наказание? Кара за намек, что я не одна в номере? Или он с самого начала планировал такой поворот? Решил вывести наши отношения на новый уровень падения?

Ну что ж, вот и все. Вот и кончилось мое французское приключение. В такое ты не затащишь меня, Андре. Я не могу… Не стану… Хотелось высказать все это ему в лицо, расколотить что-нибудь, закричать, дать ему пощечину, разрыдаться и умолять не подвергать меня таким испытаниям. Я чувствовала себя дешевкой, девушкой по вызову, дурной женщиной. Я заметалась по номеру, затем включила телевизор и попыталась сосредоточиться на том, что говорили ведущие. Кажется, они рассказывали про погоду, о том, что к нам идет мощный циклон, обещающий шторма и ураганы. Впрочем, оказалось, что речь шла вовсе не о Париже. Я не понимала ни слова и уговаривала себя, что смогу прекрасно обойтись без Андре.

Все это изначально было глупостью с моей стороны и дерзостью с его. Он ненормален. Красив, богат и ненормален. О, сколько книг написано о таких типах, и везде они становятся прекрасными принцами, изменяясь самым немыслимым образом и превращаясь из хищных тигров в домашних зайчиков. Сплошное обаяние и никаких проблем. Андре – сплошная ходячая проблема, и, кажется, пришло время ее решать. Я собралась с духом и составила план. Следует засесть за переводы, чтобы отвлечься. Толстая стопка невыполненной работы взывала к моей совести, я рисковала уже не только деньгами, но и самими работодателями. Меня могут уволить, и тогда не останется ничего, я сделаюсь нищей, буду сидеть одна в своей квартире в Бибиреве, вспоминая, как чуть было не оказалась замешана в групповушку с французом по имени Гильермо, который знает толк в девушках и разбирается в машинах. С сильными руками, мать его. Благоразумно заботясь о своем здоровье, своем будущем, своей жизни и сохранении рассудка, я засела за переводы, но вскоре снова отбросила их в сторону, не завершив и пары листов.

– Ты сошла с ума!

Я сказала это громко, вслух и, подойдя к зеркалу в ванной комнате, принялась себя рассматривать. Лицо сделалось бледным, и вся я как-то осунулась, похудела. Губы красные, я искусала их так, словно у меня невроз. Глаза блестят, как при температуре. Я смогу жить без Андре. Я сейчас просто ненормальная, меня надо связать и отправить в больницу, напичкав таблетками. Я способна на все и могу навредить себе. Я не хочу такой любви.

– Алло! – Я набрала номер одного нашего знакомого, с которым мы иногда по четвергам ходили играть в мафию. – Павлик? Это Даша.

– Дашка, привет! – радостно воскликнул Павлик. – Я тебя не узнал. Ты уже вернулась из своих Парижей?

– Нет, я еще здесь. Ты не знаешь, когда Сережа прилетел в Москву?

– А должен был? – удивился Павлик. – Он разве не с тобой?

– Со мной?

– Он ведь улетел к тебе из Хельсинки. Вы встретились?

– Да. Да, конечно. Просто мы тут поссорились, и он уехал. Не сказал, куда именно. Может, вернулся в Хельсинки долавливать свою рыбу? – предположила я, не желая погружать Павлика в излишние подробности. – Он тебе не звонил с просьбой встретить в аэропорту?

– Да я уже сто раз проклял, что купил квартиру на Сходне. Мало того, что эти ваши самолеты над нами летают каждые пять минут, так я еще и всех вас встречать должен? – возмутился Павлик. – Нет, вы вообще нормальные? Знаете, что каждый из вас говорит мне? Что, когда я буду возвращаться откуда-нибудь, он тоже меня встретит. Только, знаешь ли, я столько не летаю. А когда в прошлом году мне понадобилось в Домодедово, никто не согласился туда ехать. Потому что Домодедово, оказывается, далеко!

– Павлик, так ты его встретил или нет?

– Нет, конечно! – выдохнул Павлик. – А не кажется тебе, что проще всего позвонить ему самому? Или ты гордость включила?

– Гордость и предубеждение, – хмыкнула я.

Сережа, Сережа, я не должна была так поступать с тобой, вот только беда – я постоянно делаю именно то, чего делать ни в коем случае не следует.
Я бросила телефон на стол и откинулась в кресле. Может быть, он просто взял такси? В конце концов, он был расстроен, мог прилететь ночным рейсом, не захотел беспокоить людей ночью. Все вышло спонтанно, не будить же их.
В самом деле. Я набрала номер Сережи снова, но он опять не взял трубку. Я бы на его месте тоже не взяла. Я даже не знаю, что именно собираюсь ему сказать. Прощения попросить? Я не хочу вернуть его, просто зацепиться за него, как за константу, чтобы удержаться на краю пропасти. Ведь без него, без мамы, с одуревшим телом, предающим меня ежесекундно, мне не устоять. Я закрыла глаза. Спи, Даша, спи.

* * *

Проклиная себя, я стояла в указанном месте на бульваре Де Марешо, ожидая Гильермо, и сама не верила в это. Говорила себе – я здесь только для того, чтобы добраться до треклятого Андре и высказать ему, что есть границы, за которые переходить не собираюсь. Это не для меня. Вот только я не могла нащупать эти границы, как ни пыталась.

Гильермо был невысок, подвижен, словно мячик на резинке, и похож больше на итальянца, чем на француза. Он посмотрел на меня удивленно – бледное, растрепанное нечто с обветренными губами, в растянутой футболке, босоножках и простой хлопковой юбке, я явно не соответствовала его ожиданиям.
Вот и отлично, подавитесь, месье. Впрочем, Гильермо своего недовольства никак не показал. Вопреки моим ожиданиям он не был отвратительным чудовищем, напротив, оказался вполне симпатичным парнем, такого же возраста, как Андре. Он старался мне понравиться, установить контакт и явно расстраивался из-за того, что я отвечала рублеными фразами и часто невпопад. Я была уверена, что возненавижу этого слизняка, как только увижу – хотя бы потому, что Андре уверял, будто Гильермо мне должен понравиться. Нет, он не понравился мне, но и не вызвал отвращения. Нормальный мужчина, никаких фривольностей, никаких пошлых намеков. Он вел себя, как человек, которого попросили встретить в аэропорту девушку друга – вежливая обходительность и ничего более. Французская версия Павлика. Словно Гильермо и не собирался заняться со мной сексом, ворвавшись в мою жизнь, следуя извращенным фантазиям Андре.

Конечно, Гильермо совсем не говорил по-русски, и в первые минуты я испытала нечто вроде языкового барьера, ибо до сих пор мне здесь не приходилось обсуждать на французском ничего серьезнее стоимости проезда в автобусе или качества колбасы. А Гильермо болтал без умолку, заваливая меня идиомами и непереводимыми оборотами с той самой минуты, как я появилась на бульваре.

Так или иначе, я вела себя отчужденно и враждебно. Это, должно быть, сильно удивляло Гильермо, ибо он был абсолютно уверен, что я нахожусь тут по собственной воле и, так сказать, с полным энтузиазмом. На деле же я была взвинчена до предела, проклинала Андре и свою собственную мягкотелость, не позволяющую позвонить матери, рассказать ей всю историю, а затем сесть в самолет до Москвы. О, как бы все упростилось, если бы между мною и Андре

образовалась пропасть в две тысячи четыреста восемьдесят семь километров! Плюс километров двадцать-тридцать от аэропорта до Бибирева – спасительной гавани свихнувшейся девицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alisa-klever/ubiystvennaya-krasota-zapretnyy-plod-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить